

А.Ф. Борун

Жаба

1991

Александр Феликсович Борун

Жаба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51242720

SelfPub; 2023

Аннотация

Если бы злодеям удалось их злое дело, получился бы роман про попаданца, а так – извините. Скорее уж этот рассказ можно принять за начало стандартного романа про магическую академию, во время обучения в которой все обстоятельства, описанные здесь, окажутся на заднем плане – в качестве мотивировочных для главного героя. Хотя, впрочем, вроде бы стандартными романы про магические академии стали позже 1991 года, нет?

Александр Борун

Жаба

Привал. Совсем разучился ходить по горам после двух-летнего перерыва! Стараясь угнаться за дядей Рибдом, я стал спотыкаться всё чаще.

Кажется, тётя Мея заметила, что я падаю с ног, и уговорила дядю сделать привал. Сама она легкая, стройная, прыгает по камням, как горная Артемида (я в книге читал). Но тут сделала вид, что устала.

Дядя Рибд – тот вообще никогда не устает. Если бы даже я сказал ему, что больше не могу, он бы только начал надо мной издеваться. Он говорит, что хочет сделать из меня настоящего мужчину, но я ему не верю. То он устраивает поход за походом, то, когда я только-только начал за ним поспевать, бросает их совсем... Хотя насчет настоящего мужчины я и до того не верил.

Он и сам-то какой-то ненастоящий. Высокий, худой как скелет. И лицом похож на скелет, так череп кожей обтянут. Только возле рта и на лбу застывшие складки кожи, которые, если бы не были такими неподвижными, обозначали бы улыбку, а так выражение лица только ещё более никакое делается. Шагает себе вверх по камням как по ровному месту, равномерно переставляя ноги, с болтающимися руками. Жутко холодный ветер рвёт его чёрное одеяние, а он его не

замечает, словно у него кости из свинца. И не только кости. Его лицо какого-то серого цвета, совершенно неподвижное, тоже вполне могло бы быть из свинца. Только когда он говорит, чуть приоткрывается щель рта, и всё. Правда, если бы, например, Мастер Скала, если бы он, конечно, и вправду был, отливал дядю из свинца, непонятно, как он мог бы выбрать такое неприятное выражение для его лица.. И душа у него свинцовая – если вообще есть. Нет, дядя Рибд мне никогда не нравился. Хотя мне всегда казалось, что для меня же было бы лучше изображать это, но я не могу себя заставить. Я могу быть только вежливым. Я бы, может, был иногда и невежливым, но я его боюсь. Впрочем, если бы я его поцеловал, он бы удивился, возмутился, и наказал бы меня, наверное.

Тётя Мея – совсем другое дело. Она хоть иногда на вопросы отвечает. Правда, она не знает, сколько я ещё и подслушиваю. Как-то я подслушал, как дядя Рибд выговаривал ей за то, что она рискует ко мне привязаться душой. Кажется, ей это тоже казалось очень опасным. Почему? Об этом я стараюсь не думать. Они иногда так страшно говорят обо мне между собой какими-то зловещими намёками, так что лучше бы и не слышать.

Но и полезного можно услышать много. Вот, например, предсказания. Удивительно, как мало нужно знать про что-то происходящее, чтобы правильно предсказать, чем дело кончится, чем сердце успокоится. Про сегодняшний поход я

для себя уже вычислил. Дело кончится тем, что ветка, разветвившаяся надвое, срастётся, рукава реки сольются, и на оставшемся острове сердце успокоится – если он всплывёт... И вот так всегда с пророчествами. Они всегда оказываются верными, только вот понять их можно только тогда, когда они уже исполнились. А дядя и тётя меня не учат.

В книгах у детей бывают папа и мама, а у кого нет, тот бедный, у него мало еды и одежды, и все плохие и обижают его. У меня не так. Иногда я даже надеюсь потихоньку, что дядя Рибд и тётя Мея – это на самом деле папа и мама, но они пока притворяются, что это не они, чтобы лучше меня воспитывать, а если я себя буду правильно вести, они всё расскажут. Особенно про тётю надеюсь. Сперва, когда я был маленький, я даже хотел вырасти и жениться на ней. Особенно, помню, мне нравилось, что у неё длинные чёрные шелковистые волосы. Теперь-то я не обращаю внимания на такие мелочи. Но если в конце концов окажется, что они только опекуны (так это называется в книжках), и если нам суждено расстаться, я попрошу у тёти Меи на память прядку её волос.

А иногда и она такая недобрая, что я надеюсь, что мои папа и мама в какой-нибудь опасной и очень долгой экспедиции, и могут не вернуться, поэтому мне про них ничего не говорят, но и называться папой и мамой не хотят, потому что они могут и вернуться. И тогда я начинаю представлять себе, как они возвращаются, и я рассказываю им, какие дядя Рибд и тётя Мея злые... Нет, не рассказываю, а проявляю редкост-

ное благородство, главное, чтобы меня от них забрали.

Тётя Мея, по моему, нарочно заставляет себя быть злой. Зачем? Стоит только начать раздумывать, вопросов делается только больше. Что связывает тётю с дядей? Какая-то ужасная тайна, и, наверное, эта тайна связана с моим предназначением. Они не говорят, к чему меня готовят, но это что-то величественное, с чем у них связаны большие надежды. Оно оправдывает тот душевный дискомфорт, который они, особенно тётя Мея, вынуждены испытывать, воспитывая меня так, как, для этого необходимо. А что это за предназначение?

Но я помню, как случайно подслушал: дядя Рибд предложил тётю руку и сердце, а она ему отказала. Так что в одном доме они живут только из-за меня.

Всё, привал окончен, и опять дядина чёрная спина впереди. Ему и посох-то, по-моему, ни к чему, он его просто несёт.

Под ногами камни, камни, камни. Ничего не растёт на этой горе Гоболин. Это первая гора, которая мне не нравится. Вообще мне в горах хорошо. Там просторно. Всё равно не с кем поговорить, но это становится как бы нормальным, что ли. Не знаю, как это получается, но в горах как будто легче дышать.

Но Гоболин – неприятная гора. У неё какой-то предательский характер. Вот только что я выбрал из нескольких камней самый плоский, чтобы поставить ногу, а он повернулся, и я чуть не упал. А ведь я видел: он не шелохнулся, когда на него наступал свинцовый дядя Рибд! И ветер не просто

дует неровно – он как будто специально старается пихнуть туда, куда сам наклонишься, чтобы не дать встать на следующий камень, или, наоборот, заставить сильно по нему топнуть, чтобы он стронулся с места.

Я понял, почему дядя Рибд не качается! То есть, он качается, но его ноги совершенно ровно переступают, сгибаясь и выпрямляясь. Он предвидит все порывы этого подлого ветра и наклоняется в другую сторону заранее! Может, он даже видит, как они приближаются? Но как? Интересно, неужели я тоже когда-нибудь так научусь? Пока мне с этим ветром приходится несладко.

Только дядя, с его мерзким и зловещим характером мог выбрать для похода гору Гоболин. Все камни либо чёрные, либо зелёные, каждый по отдельности даже красив, я сперва хотел на обратном пути захватить парочку, на книжную полку, пока не понял, что они выглядели бы как ненастоящие. Как покрашенные, что ли. Слишком ровный цвет, без всяких полосок, крапинок и пятнышек.

Но когда этих камней много, они ещё хуже. От чёрно-зелёного мелькания перед глазами через несколько шагов начинает тошнить. А смотреть нужно внимательно, чёрный камень может оказаться, наоборот, ямой между зелёными, только что я чуть не вывихнул ногу, попавшись в такую.

А как только приостановишься и начнёшь рассеянным взглядом рассматривать весь склон целиком, вместо облегчения для уставших глаз получается одно расстройство: зе-

лѐный и чѐрный сливаются в какой-то отвратительный тусклый цвет, наводящий беспросветную тоску.

Кажется, на дядю такие вещи не действуют совсем. Или, может быть, даже хуже, именно такой пейзаж ему нравится? Он бы, наверное, с удовольствием носил одежду такого цвета.

А тѐточка, гляжу, тоже приуныла, и тоже скрывает это от дяди. Конечно, если небо сделано из тумана того же грязно-зелѐного цвета, и всё ниже и ниже нависает над головой. Кажется, как будто наверху болото, и внизу болото, и они вот-вот захлопнутся, как огромная пасть, и мы захлебнемся в тине. Нет, это вовсе не шутка. Головой я понимаю, что этого не случится, но всё равно как-то неуютно.

А дядя Рибд всё топает вверх по склону. А небо всё ниже. Вот, сейчас...

Перед дядей Рибдом оказалась большая каменная ступень, он поднялся на неё, вошел в туман и сразу исчез, как будто головой вперед нырнул в болото.

Я подошел к этому месту и осторожно сунул голову в туман. Стало темно, как ночью. Нет, не темно, но ничего, кроме болотного цвета, не видно, как будто глаза завязаны. Тускло-зелѐной тряпкой. И ничего не слышно. Исчез вой ветра, хотя ветер по-прежнему дул в лицо так, что хотелось отвернуться. Так иногда бывает во сне.

– Ой! – сказал я. Нет, себя я слышал. Я нашарил рядом с собой камень, вытянул руку вперѐд и отпустил его. Стука

не было. Сразу мне стало казаться, что я стою на краю бездонной пропасти, скрытой туманом. Я оцепенел. Это было как в кошмаре. И тут на меня сзади кто-то напал, и хотел толкнуть туда, в пропасть, и я чуть не ударил его посохом куда попало, но это была тётя Мея, которая не толкнула, а, наоборот, дёрнула меня за плечо, и я так вылетел назад из тумана, что проскочил мимо неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.